

Увидев, что Тан Хуан вернулась, Тан Шэнь намеренно напустил на себя суровый вид:

— Разве я не говорил тебе ждать меня сегодня дома? Вечером мы идем ужинать в Терем Сися.

— Ты же сам сказал — вечером, братец. А сейчас вечер еще не наступил!

Тан Шэнь обреченно покачал головой:

— Иди переодейся. — Помолчав немного, он окликнул ее: — Надень ту лисью шубейку, которую привезла из Гусу.

Тан Хуан на миг растерялась, но послушно кивнула и пошла переодеваться.

Зимой темнеет быстро. Едва миновал час Шэнь, как солнце скрылось за горами и опустились сумерки. Под сенью усыпавших небо звезд брат и сестра из семьи Тан подошли к Терему Сися. Увидев юного хозяина, Управляющий Лу тут же повел гостей внутрь — в отдельный кабинет на втором этаже, окна которого не выходили на шумную улицу. Едва переступив порог, Тан Шэнь ощутил приятное тепло.

Посреди простой, обставленной под старину комнаты жарко пылала жаровня.

Топили ее лучшим бездымным древесным углем «серебряная нить», а рядом курились сандаловые благовония. Клубы белого дыма навевали покой и умиротворение.

В комнате было очень тепло, поэтому Тан Шэнь и Тан Хуан сняли плащи и повесили их в стороне. Тан Шэнь приоткрыл окно. Чистый лунный свет полился внутрь, отражаясь от укутавшего город Шэнцзин снега; серебро небес и белизна земли сливались в едином сиянии.

Тан Хуан взволнованно спросила:

— Брат, к чему такие приготовления? С кем мы сегодня ужинаем?

Тан Шэнь покосился на нее:

— А ты угадай.

Тан Хуан ненадолго задумалась:

— ...Неужели с твоим учителем?

— И с моим старшим соучеником.

Примерно через полчаса в Терем Сися один за другим прибыли Фу Вэй и Ван Чжэнь.

Фу Вэй пришел первым. Войдя, он сразу же заметил висевшую на стене картину. Глаза Фу Сижу блеснули, он шагнул ближе. Внимательно изучив свиток, он повернулся к Тан Шэню:

— Картина У Даоцзы?

Тан Шэнь с улыбкой ответил:

— Не смею лгать учителю. Да, это работа Бога живописи.

— Редкое сокровище. Пусть и не самый известный из дошедших до нас свитков У Даоцзы, но

обошелся он тебе, должно быть, недешево, — покачал головой Фу Вэй и вздохнул с восхищением: — Написано превосходно, куда лучше моих скромных трудов.

Ван Чжэнь, войдя следом, тоже заметил висевшую на стене картину. Бросив на нее многозначительный взгляд, он повернулся к девочке, что робко жалась к Тан Шэню.

Надо признать, Тан Шэнь и Тан Хуан не были похожи друг на друга.

Тан Шэнь был высоким, стройным и изящным. Его светлые, чистые глаза словно всегда улыбались; когда он смеялся, они искрились звездами и изгибались полумесяцами. Серьезным же он казался миловидным и юным — чистый отрок, подобный лесному источнику среди бамбука и камней. Впрочем, ему исполнилось всего семнадцать, так что он и впрямь был прекрасным юношей.

По сравнению с братом во внешности Тан Хуан сквозило больше благородной отваги. Нет, черты лица юной девушки не казались мужскими, просто, в отличие от тонкой красоты Тан Шэня, ее лицо было выразительным, а глаза светились решимостью. И пусть при взгляде на Ван Чжэня она немного робела, в глубине ее зора читалась непоколебимая стойкость.

Упрямая и сильная духом девочка.

Придя к этому выводу, Ван Чжэнь негромко спросил Тан Шэня:

— Твоя сестра?

— Да, это моя сестра, ее зовут Хуан, — представил ее Тан Шэнь.

Познакомившись, все четверо уселись за стол и принялись за Посягун.

Незаметно за окном вновь повалил снег. Бесконечная белая пелена за стеклом и исходящий от котелка пар создавали удивительно уютную, умиротворяющую атмосферу.

Закончив с едой, Тан Шэнь подал знак Управляющему Лу. Тот все понял без слов, снял со стены картину У Даоцзы и бережно завернул ее в шелковую парчу. Тан Шэнь преподнес свиток Фу Вэю. Поскольку это было творение самого У Даоцзы, даже Фу Вэй не на шутку изумился:

— Цзинцзэ, неужели ты даришь эту картину своему учителю?

— Я с самого начала искал ее для вас, учитель, — ответил Тан Шэнь. — Знаю вашу страсть к живописи, и когда прослышал, что в управе Гусу кто-то продает этот свиток, сразу же выкупил его. Прошу вас, непременно примите мой скромный дар. С тех пор как я прибыл в Шэнцзин позапрошлом году, пошел уже третий год. В этих краях, где мне все было чуждо, без вашего мудрого руководства я бы наверняка растерялся и ничего не достиг. Благодарю вас за наставления, я сохраню их в сердце до конца своих дней!

Даже у такого толстокожего человека, как Фу Вэй, покраснели уши. «Да разве я тебя чему-то учил?» — подумал он.

Однако вслух весело рассмеялся:

— Что ж, тогда твой учитель примет подарок.

Наевшись и наговорившись, Тан Хуан отправилась вслед за Управляющему Лу проверять сегодняшнюю выручку Терема Сися. Получивший картину Фу Вэй пребывал на седьмом небе

от счастья и поспешил откланяться, желая поскорее вернуться в свое поместье и вдоволь налюбоваться шедевром. В отдельном кабинете остались только Тан Шэнь и Ван Чжэнь.

Ван Чжэнь смахнул пенку с поверхности чая и сделал небольшой глоток чая Билочунь.

Окно оставалось открытым, в комнате витал едва уловимый аромат сандала. Облаченный в белые одеяния Ван Цзыфэн стоял в серебристом лунном свете, неторопливо попивая чай и любуясь луной. Сложно было сказать, что сияло ярче — ночное светило или озаренный его лучами благородный муж.

Тан Шэнь невольно засмотрелся и, лишь опомнившись, поспешно достал из широкого рукава маленькую парчовую шкатулку и протянул ее Ван Чжэню.

Тот взял коробочку и с улыбкой спросил:

— Это взятка?

Тан Шэнь опешил.

Ван Чжэнь спросил об этом вовсе не шутки ради.

Фу Вэй занимал пост главы Академии Ханьлинь и никак не влиял на службу Тан Шэня, поэтому подношение ему не вызывало вопросов. Но Ван Чжэнь был Министром финансов. Захоти он вмешаться, его власть вполне могла коснуться Тан Шэня, служившего чжуншу шэжэнем. К тому же они оба несли службу во Дворце Циньчжэн.

Тан Шэнь беспомощно вздохнул:

— Старший брат опять надо мной подшучивает. Взятка это или нет, разве вы сами не понимаете?

— Младший брат в последнее время становится все смелее, — заметил Ван Чжэнь.

— И в чем же моя смелость?

Переняв его интонацию, Ван Чжэнь ответил:

— В чем смелость, разве вы сами не понимаете?

Братья по учебе переглянулись и рассмеялись.

Ван Чжэнь открыл шкатулку. И хотя он мысленно готовился увидеть нечто необычное, в следующее мгновение он замер от изумления и долго не мог отвести глаз.

В изящном ларце лежал стеклянный флакон размером с ладонь.

Это был необычный флакон: совершенно прозрачный, четырехугольный, с чёткими гранями. Горлышко обвивала тонкая золотая кайма, а на самом корпусе красовалась изящная веточка сливы мэйхуа. Назвать его великолепным произведением искусства, превзошедшим саму природу, было бы ничуть не преувеличением. По крайней мере за все свои двадцать шесть лет Ван Чжэнь ни разу не встречал бесцветного стекла — подобной диковины не нашлось бы даже в императорской сокровищнице.

И все же, если приглядеться, тонкость работы уступала безупречности материала: золотая

роспись казалась слегка небрежной. Впрочем, благодаря налитой внутрь бледно-желтой жидкости мелкие изъяны золотых линий не бросались в глаза.

Ван Чжэнь поднес флакон к лицу и вдохнул аромат:

— Это Хуанцзиньлюй?

— Да.

Рассматривая флакон еще некоторое время, Ван Чжэнь спросил:

— Откуда у тебя этот стеклянный сосуд?

Изделия из стекла обычно предназначались лишь для членов императорской семьи. За пределами дворца подобные вещи встречались редко, не говоря уже о столь изысканной работе, едва ли уступающей подношениям для самого императора.

— Я сделал его своими руками специально для вас, старший брат, — ответил Тан Шэнь.

Услышав это, Ван Чжэнь резко поднял голову и пристально посмотрел на Тан Шэня.

Тан Шэнь с улыбкой добавил:

— За те три года, что мы знакомы, я многому научился у вас. Считайте это моим подарком к Новому году.

Ван Чжэнь долго смотрел на Тан Шэня, а затем неторопливо произнес:

— Младший брат приготовил для меня подарок, а я пришел с пустыми руками. Что ж, придется отдавать долг.

Раз уж Ван Чжэнь вознамерился сделать ему подарок, Тан Шэнь, само собой, отказываться не собирался — он был согласен обеими руками и ногами.

Было бы глупо упускать такую выгоду!

Однако прошли два дня, но подарка от Ван Цзыфэна Тан Шэнь так и не дождался.

— Подумать только, даже Ван Цзыфэн горазд на обман. Мужским обещаниям верить нельзя, — пробормотал Тан Шэнь.

Посетовав на это, он собрал вещи и вместе с Тан Хуан отправился в родные края, чтобы встретить там Новый год.

Да, в этом году Тан Шэнь решил вернуться в управу Гусу, чтобы навестить родню.

У Яо Саня оставались дела, поэтому он задержался в Шэнцзине. Тан Шэнь же вместе с сестрой и своим слугой Фэнби поднялся на борт судна и двинулся на юг по Великому каналу. Спустя десять дней они прибыли в управу Гусу.

Стоило им сойти на берег, как воздух огласил оглушительный грохот барабанов и гонгов, сопровождаемый взрывами праздничных хлопушек.

Тан Шэнь опешил. Навстречу ему спешили Цзюйжэнь Тан и глава Клана Тан.

— Цзинцзэ, наконец-то ты вернулся! Мы ждали тебя целый год! — закричали они.

Едва они покинули пристань, Цзюйжэнь Тан тут же обрядил Тан Шэня в новенький парчовый халат. На голову ему водрузили резной венец, на ноги обули расшитые нефритом сапоги, подпоясали кушаком с драгоценными камнями и даже вложили в руку старинный веер ушедшей династии. Когда во Дворце Цычэнь император лично провозгласил Тан Шэня Таньхуа, его наряд был куда скромнее!

Сородичи из Клана Тан — и те, кого Тан Шэнь помнил в лицо, и те, кого видел впервые — принялись наперебой осыпать его подарками.

К тому времени как шумная толпа добралась до храма предков Клана Тан, Фэнби уже едва удерживал в руках целую гору нарядных шкатулок.

<http://bllate.org/book/18292/1754557>